

мотива, если иметь в виду, что эпизод поединка повторяется механически, без учета того, что Тугарин, рассуждая логически, не может появиться в Киеве после того, как он уже был убит по дороге в Киев. Может быть, не будет преувеличением утверждать, что этот текст является столпом, на котором держится весь процесс «киевизации» догосударственных былин, отражающим начальный момент этого процесса. В своих несообразностях он еще обнаруживает рудиментарное движение, которое лишь впоследствии выкристаллизуется в формы «Ильи и Соловья-разбойника» и «Добрыни и Змея», или же в былинку о поединке Алеши с разными противниками (тексты Астаховой), чтобы, наконец, прийти к типу былины об Илье и Идолище, отныне совершенно отделенной от оригинальных образцов и готовой в свою очередь стать архетипом для «исторических» и «государственных» сюжетов.